

Глава 940 - Казнь Сломанная душа Пик, не принадлежавшая ни внешним, ни внутренним воротам, была местом казни восставших учеников паломнической секты.

Только те ученики, которые были чрезвычайно грешны, будут казнены на Пике Разбитой Души.

Поэтому каждый раз, когда ученик должен был быть казнён на Сломанной Пике Души, вне зависимости от того, являются ли это внешними или внутренними воротами, там должно было быть большое количество старейшин и учеников, которые приходили наблюдать.

Для этих наблюдателей Секта Пилигримов не имела никакой организации. Используя казнь учеников на Пике Разбитой Души, Секта Пилигримов также достигла своей цели - предупредить учеников.

Пик Сломанной Души сейчас заполнен культиваторами, которые пришли посмотреть, изнутри и снаружи.

Многие из них даже не знали, что именно совершил казненный, потому что все остальные пришли. Наблюдение за волнением было для них, культиваторов, которые всегда находились в эпицентре интенсивной культивации, другим видом релаксации.

Бум...

Громкий шум потряс толпу, но они увидели, как огненный шар поднимается в небо, как яркий огненный шар, подвешенный в небе.

Толпа успокоилась.

Звон пушки означал, что правоохранительные органы начали действовать.

Как и ожидалось, через мгновение с неба спустилась команда мощных культиваторов, каждый из которых обнаруживал чрезвычайно сильные колебания.

"Небеса, столько свободных бессмертных экспертов пришли за этими правоохранительными органами." Зрители были потрясены в душе и не могли не кричать.

"Да, посмотрите на этого человека во главе, это ведь глава семьи Сюн, Сюн Да?" Ученик указал на монаха средних лет во главе группы и не мог не кричать.

"Это действительно Мастер Сюн!" Другой ученик сказал глубоким голосом: "Мастер Сюн - это четвертая стадия бессмертного культиватора, зачем ему участвовать в этом правоохранительном процессе на Пике Разбитой Души?".

"Ты понятия не имеешь, сын этой семьи Сюн, Сюн Бу Кан, был убит. Тот, кто казнен сегодня - тот, кто убил Сюн Бу Куна". Внезапно прозвучал голос, но это был монах в шляпе. Край шляпы был прижат очень низко, так что ничего из внешнего вида этого человека не было видно. Тем не менее, было неизбежно, что некоторые люди в мире культивирования не любят, чтобы их лица были видны, так что существование этого человека не вызывает никаких подозрений у других.

"Это Медведь, а не Кун?" Внутренний монах внезапно вмешался и сказал: "Но этот медведь, известный как "Семь раз за ночь", не выживет?".

"Разве нет?" Монах в шляпе сказал низким голосом: "Говорят, что этот человек Сюн Бу Цунь был бичом для чьей-то даосской пары, и поэтому он потерял свою жизнь!"

"Этот Сюн Бу Чунь полагается на силу своего отца, он привык выставлять себя дураком в эти годы, сколько прекрасных сестер и учеников среди внутренних и внешних сект были им бичеваны, а теперь их зарезал кто-то другой, он действительно заслуживает смерти". Внутренний культиватор секты внезапно засмеялся, и в его улыбке скатились две строчки слез: "Я действительно не знаю, какой старший брат зарезал сукиного сына, после сегодняшнего дня я, Ли Сан, буду каждый год предлагать три палочки ладана, чтобы отдать дань уважения духу этого старшего брата на небесах"!

Толпа молча смотрела на него, этот человек тоже был бедняком, его любимую женщину бичевал до смерти Сюн Бу Чунь, но у него не хватило сил отомстить. Теперь, когда Сюн Бу Чунь был мертв, его великая месть также была отомщена.

В то же время, похожие вещи происходили повсюду в толпе. Бесчисленное множество монахов поняли, что происходит, поняли зло Сюн Бу Куня и стали сочувствовать скороспеленному герою.

Однако эти монахи, пробужденные чувством справедливости, не знали, что доминирующими, поднявшими эту тему, были те, кто случайно ушел из толпы и молча собрался вместе.

В этот момент шляпы на их телах были сняты, а молодое лицо наполнено решительностью.

Эти люди были, действительно, учениками пика Bi Zhu, и отдельно от Gao Lang и Chen Huaqing, все 10 из них были здесь.

"Большой брат, действительно ли это работает, чтобы вызвать сочувствие толпы?" Немного беспокойства вспыхнуло на лице Тайшэня Цина.

"Это лучше, чем ничего". Мэн Шан снисходительно сказал: "Позже мы спасем брата Чэнь Хуацина и немедленно отступим далеко от пика Би Чжу, там будет формирование защиты горы, которое должно быть в состоянии остановить преследующие войска на некоторое время. Однако, этот процесс чрезвычайно опасен, все вы, младшие братья и сестры, еще не поздно отступить"!

Лицо толпы было твердым, и они без колебаний качали головами: "Большой Брат, просто скажи нам, что нам нужно, сегодня мы все отложили в сторону наши имена".

"Хороший брат, тогда ладно, сегодня мы будем жить и умирать вместе! Если мы умрём, Хозяин Пика определённо отомстит за нашу смерть!" Мэн Шан сжимал кулаки и говорил глубоким голосом: "Начинается, давайте готовиться к действию"!

Бум...

В небо взошла еще одна кольцевая пушка, и лица смотрящих на небо монахов были торжественными.

"Выведите Чен Хуацина, который жестоко убил своих учеников!" Громко зазвонил достойный голос, только для того, чтобы увидеть, как старик с журавликовыми волосами на платформе правоохранительных органов говорит.

Этот человек был старейшиной Зала охраны правопорядка, названным Чэнь Чже, с силой Трех Скорбящих Племен Бессмертных, и хотя он не был большой фигурой в Зале охраны правопорядка, он имел некоторое право голоса в этом вопросе. Этот захват Чэнь Хуацин был под руководством этого старейшины лично.

По приказу Чэнь Чже два Первородных бессмертных прижали Чэнь Хуацина к столу казни, используя железные цепочки толщиной в руку, чтобы затянуть его на бронзовом столбе.

В этот момент Чен Хуацин был покрыт синяками, и на его теле не было ни одной неповрежденной кожи, что свидетельствует о том, как сильно он страдал от жестокого обращения в предыдущие дни. Однако, духи Чена Хуацина все еще были хороши. Он яростно смотрел на женщину под столом казни, его глаза были наполнены негодованием: "Луо Юй, из всех грешников, только ты остался!".

Глаза Ло Юя были обижены, мерцая сильным и яростным цветом: "Чэнь Хуацин, ты сегодня в опасности, и у тебя все еще есть сердце, чтобы угрожать со мной, как нелепо"!

"Хахаха". Глаза Чэнь Хуацина были наполнены безумием, когда он долго и громко смеялся и говорил: "Луо Юй, ты узкоглазая женщина, я, Чэнь Хуацин, не отпущу тебя, даже если бы я был призраком"!

"Казнь!" Чен Чже внезапно закричал громко.

Вдруг Luo Yu закрыла рот, ее глаза нехотя стояли внизу таблицы исполнения, глядя на Чэнь Нуаqing и усмехаясь.

Бородатый монах подошел шаг за шагом с костяным ножом в руке. Этот нож был обычным духовным оружием, но он решил жизнь многих, многих учеников.

"Брат, хоть я и восхищаюсь тобой, я не осмеливаюсь не подчиниться приказам Зала охраны правопорядка. Простите, я сделаю это чуть быстрее позже, чтобы вы меньше страдали и умирали чуть быстрее". Бородатое лицо было вспышкой сложности, и сказал медленно в голосе, что только двое из них могли слышать.

"Хахаха, брат, не вини себя, просто сделай это позже. Я, Чен Хуацин, человек из стали, я не буду тебя винить!" Чен Хуацин широко улыбнулся, буквально увидев смерть.

"Первый клинок Линг Чи, слава небесам и земле!"

Видя, что бородатый человек медленно делает ход, Чен Чже не мог не хотеть.

Бородатый человек скрежещал зубами и виновато улыбнулся Чен Хуацину: "Брат, потерпи!". Сказал, что острый нож, выбивающий кости, в его руке быстро пронзил правую грудь Чена Хуацина.